

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(4Сое)-44
К19

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Каннингем, Майкл
К19 Начинается ночь: роман / МАЙКЛ КАННИНГЕМ; пер. с англ.
Д. ВЕДЕНИЯПИНА. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-17-121539-2

В романе “Начинается ночь” (2010) главный герой — Питер Харрис, владелец художественной галереи, отчаявшийся найти настоящую красоту в современном искусстве, где господствует китч. Его привычная жизнь с постоянными проблемами (работа, непростые отношения с дочерью, “кризис среднего возраста” и т. д.) неожиданно взрывается с приездом Миззи, младшего брата его жены. Сорокалетний Питер ослеплен Миззиной красотой — юный шурин для него становится любимым произведением искусства, в нем он находит идеальное воплощение совершенства и свободы, которой лишен сам. Однако эротическое увлечение циничным и запутавшимся наркоманом грозит Питеру крахом его внутреннего мира, провоцирует кризис семейных отношений...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(4Сое)-44

ISBN 978-5-17-121539-2

© 2010 by Mare Vaporum Corp.
By arrangement with the Author.
All rights reserved.
© Д. Веденияпин, перевод на русский язык, 2011
© А.Бондаренко, оформление, 2020
© ООО “Издательство Астрель”, 2020
Издательство CORPUS ®

Содержание

Вечеринка	11
Бронзовый век	41
Ее брат	67
История искусства	102
Братоубийство	139
Ночной город	174
Объект неопределимой ценности	205
Призовые куры	244
Мечты, мечты	280
<i>Слова благодарности .....</i>	<i>347</i>

Гейлу Хокману и Джонатану Галасси

Красота есть начало ужаса.

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ

Вечеринка

Приезжает Мистейк. Остановится у них.

— Это ты из-за Миззи такой недовольный? — спрашивает Ребекка.

— Конечно нет, — отвечает Питер.

Где-то в верхней части Бродвея машина сбила лошадь, одну из тех несчастных кляч, что катают туристов, — в результате пробка до самого Порт Осороти, и теперь Питер с Ребеккой опаздывают.

— Может, пора уже называть его Итан? — говорит Ребекка. — Наверное, кроме нас, никто уже не обращается к нему “Миззи”.

Миззи — уменьшительное от Мистейк.

Из окна такси видны голуби, перепархивающие через синий рекламный щит “Сони”. Величественный — в своем роде — бородатый старик в засаленном плаще до пят (большой и важный Бак Маллиган), без труда опережая еле-еле ползущие машины, толкает перед собой продуктовую тележку, доверху наполненную бог знает чем, распиханным по бесчисленным пакетам для мусора.

В салоне пахнет освежителем воздуха — смутно-цветочный аромат без явной привязки к конкретному цветку, что-то сладковато-химическое, немного дурманящее.

— Он сказал тебе, на сколько приезжает? — спрашивает Питер.

— Нет.

Теперь в ее глазах — тревога. Она привыкла беспокоиться о Миззи (*Итани*) и уже ничего не может с этим поделать.

Питер не наседает. Кому хочется приезжать на вечеринку в споре?

У него легкие рези в желудке, а в голове вертится “*I’m sailing away, set an open course for the virgin sea...*”¹. Это еще откуда взялось? Последний раз он слушал Стикс в Университете.

— Нужно четко оговорить с ним сроки, — предлагает он.

Она вздыхает, кладет руку ему на колено, смотрит в окно на Восьмую авеню, по которой в данный конкретный момент они вообще не двигаются. Ребекка — женщина с волевым лицом, ее часто называют красивой, именно красивой, а не *хорошенькой*. Возможно, она замечает, а может быть, и не замечает, этих своих мимолетных знаков внимания, всех этих мини-жестов, призванных ободрить и успокоить раздраженного Питера.

*A gathering of angels appeared above my head*².

1 Я уплываю, уплываю в открытое девственное море (англ.). (Здесь и далее — прим. перев.)

2 Ангелы появились над моей головой (англ.).

Питер смотрит в окно со своей стороны салона. Автомобили в соседнем ряду продвигаются вперед рывками по нескольку сантиметров. Сейчас рядом с ними нечто тойотаобразное, синий покоцанный седан, набитый бурно радующимися молодыми людьми. Всем им на вид немного за двадцать, музыка на такой громкости, что такси Питера с Ребеккой начинает потряхивать от этих невероятных тыц-тыц-тыц. Их шестеро, нет, семеро, они валяются друг на друга, что-то беззвучно орут или поют; крепкие ребята, принарядившиеся по случаю пятничного вечера; поблескивают смазанные гелем волосы, вспыхивают серебряные сережки и цепочки. Их ряд едет чуть лучше, и еще через минуту они уходят вперед, но Питер успевает заметить, ну или, по крайней мере, ему так кажется, что один из четверых на заднем сиденье никакой не юноша, а старик в черном парике, топорщащемся во все стороны, как иглы дикобраза. Он тоже что-то орет и пихается наравне со всеми, но у него узкие бескровные губы и впалые щеки. Вот он обхватывает голову соседа, что-то кричит ему на ухо (просверкивают белоснежные виниры), и в следующую секунду они пропадают из виду. А еще через миг рассеивается и звуковой шлейф. Теперь на их месте коричневый грузовичок, украшенный золотистым изображением бога FTD¹ в сандалиях с крылышками. Цветы. Кто-то получит цветы.

Питер оборачивается к Ребекке. Старик, прикидывающийся молодым, это то, что можно было бы

1 FTD (FiToDesign) — Флора-Ателье (англ.).

вместе увидеть, но на историю это не тянет, верно? Да и вообще они на грани ссоры. За столько лет совместной жизни научаешься различать тончайшие оттенки всяких настроений и состояний.

Вероятно, Ребекка почувствовала, что внимание Питера снова переместилось внутрь такси. Он ловит на себе ее недоуменный взгляд, словно его присутствие — для нее новость.

Если он умрет первым, будет ли ей казаться, что он, пусть бестелесно, рядом с ней в спальне?

— Не волнуйся, — говорит он, — на улицу мы его не выкинем.

Она поджимает губы.

— Нет, правда, мы должны дать ему понять, что существуют определенные границы, — говорит она. — Нельзя вечно идти у него на поводу!

Минуточку! Это что — упрек? Разве это *он* избаловал ее непутевого братца?

— И какое же время представляется тебе приемлемым? — спрашивает он, с удивлением отмечая, что она, похоже, не слышит призыва раздражения в его голосе. Неужели можно до такой степени не чувствовать друг друга после стольких лет, прожитых бок о бок?

Она задумывается и вдруг с видом человека, внезапно вспомнившего о неотложном деле, резко подается вперед и обращается к водителю:

— Откуда известно, что в этой аварии пострадала лошадь?

Несмотря на все свое недовольство, Питер не может не восхититься женским умением задавать прямые мужские вопросы неагрессивным тоном.

— Диспетчер сообщил, — отвечает водитель, постукая пальцем по наушнику. Его лысая голова важно покоится на толстой загорелой шее, как на постаменте. У него, без сомнения, есть своя история, к которой они (хорошо одетая пара средних лет на заднем сиденье его такси) не имеют ни малейшего отношения. Согласно табличке, прикрученной к спинке водительского кресла, его зовут Рана Салим. Индия? Иран? Может быть, там, откуда он приехал, он был врачом, или разнорабочим, или воров. Как узнаешь?

Ребекка кивает, снова откидывается назад.

— На самом деле, меня сейчас гораздо больше волнуют другие вещи, — говорит она.

— Какие?

— Ему нужно научиться рассчитывать только на себя... А кроме того... Ну, ты понимаешь... Мы все еще беспокоимся, сам знаешь из-за чего...

— И, по-твоему, тут ему может помочь старшая сестра?

Она обиженно закрывает глаза. Хотя как раз сейчас он совершенно искренне пытался выразить сочувствие.

— Я просто хочу сказать, — продолжает Питер, — что... В общем, пока он сам не захочет измениться, никто ему не поможет. Наркотики — бездонная пропасть.

Она не открывает глаз.

— Он уже целый год ничего не употреблял. Когда же мы наконец перестанем считать его наркоманом?

— Не знаю. Может быть, никогда.